

Андрей Львович Ливадный

Грань реальности

Аннотация

3820 год.

Попытка расы Харамминов разобидеть человечество, привела к реанимации древнейшей сверхмашины Логриан — так называемого «Логриса». Вместе с пробуждением древних технологий для людей открылась перспектива виртуального бессмертия. Однако никто не мог с уверенностью сказать чем обернется «жизнь после смерти». Ответ на этот вопрос смог дать Кристофер Раули — первый человек, сумевший вернуться из Логриса.

ПРОЛОГ

Планета Гефест.

*Одна из обезлюдевших
промышленных колоний сектора
Окраины...*

Место, забытое богом и уже проклятое людьми. Фрагмент изуродованной реальности с куцей историей... частность, маленький эпизод колониальной поступи человечества, настолько ничтожный, что о нем мало кто знал вне круга заинтересованных лиц.

А заинтересованных в данный момент было всего двое: тучный, обезображенный неизлечимым недугом старик и молодой человек лет двадцати пяти, нагловатый, уверенный в себе и оттого – спокойный.

– Господин Раули, думаю, что торг здесь неуместен, – произнес молодой, продолжая начатый разговор. – Вы

сильно преувеличили, назвав этот плевок всевышнего громким термином «КОЛОНИЯ».

– Миллионы квадратных километров освоенных территорий – это, по-вашему, чей-то плевок? – раздраженно переспросил старик, разглядывающий пустынные пейзажи, простирающиеся за панорамным окном офиса.

– А где люди? Куда подевалось население?

Раули пожал плечами:

– Людей тут, как видите, нет, господин Столетов. Последняя крыса бежала с тонущего корабля пятьдесят лет назад, когда все нефтяные скважины иссякли.

– В таком случае, что вы намерены мне предложить?

– Пространство. Огромное пространство, законсервированные

климатические станции, массу органики, которая покрывает дно этой котловины. Инфраструктуру дорог, наконец. Завезите сюда людей, восстановите контроль локальной климатической зоны, и все вернется на круги своя. Недавно здесь обнаружены месторождения металлов, а если отправить поисковые партии дальше, за пределы горных хребтов, то на вулканических равнинах...

– Тем не менее, платить подобную цену за пустые земли, отравленную атмосферу и ржавую технику я не собираюсь, – грубо оборвал его монолог Столетов.

Кристофер Раули мысленно усмехнулся.

Малыш просто не знал, с кем имеет дело.

Посмотрев на безобразно потолстевшего старика, действительно

трудно было представить, что он тоже был когда-то таким: молодым, уверенным в себе, энергичным и поклоняющимся одному богу – силе.

Теперь все круто изменилось. Прожитая жизнь незримо стояла за спиной, она обезобразила не только тело, но и душу.

– А я больше не могу играть со своей судьбой, – негромко произнес старик, не оборачиваясь, по-прежнему глядя сквозь огромное окно на желто-серую поверхность Гефеста. – Я неизлечимо болен, и мне нужен *Логр*. Вы привезли его с собой?

– Да, – раздался за спиной Раули лаконичный ответ.

«Ну вот, малыш, значит, сделка состоится, – подумал Крис. – Стал бы ты выполнять предварительные условия, раздобывать Логр и тащиться с ним за столько световых

лет, не собираясь покупать недвижимость и предварительно не посмотрев данных по предлагаемому в обмен миру...»

Логика Раули была безупречна, и потому он спокойно смотрел на серые скалы и желтый песок, пятнами проступающий среди пожухлой травы, которой заросли давно заброшенные сельскохозяйственные угодья.

Раньше, до прихода людей, здесь плескалось первобытное море.

Теперь же, по прошествии полутора веков с момента колонизации, от него остались лишь два солончаковых озера с непригодной для питья водой.

Кристофер смотрел на обезвоженный ландшафт, напоминающий творение художника-сюрреалиста, и не испытывал при этом никаких угрызений совести ни перед природой, ни перед людьми. Он прожил слишком

долгую, насыщенную событиями жизнь, чтобы предаваться сейчас глупым, нерациональным чувствам.

Собственно говоря, лично он не имел прямого отношения к тем драматическим изменениям, которые претерпел данный участок планеты под прессингом колонизации.

Полтора столетия назад его прадед купил эти земли на диком и негостеприимном планетоиде, входящем в состав только что открытых миров Окраины, где в отличие от благопристойных, цивилизованных планет Конфедерации Солнц правили законы корпоративных интересов и коммерческой выгоды.

Экипаж разведывательного корабля, обнаруживший этот мир, после стандартного набора исследований не стал мудрствовать относительно названия.

Гефест. Это имя, заимствованное из мифологии древней Земли, наиболее точно отражало сущность вновь открытого мира, который, подобно кузнице мифического персонажа, был озарен красноватым сиянием множества действующих вулканов. Его атмосфера, полная пепла и ядовитых испарений, не годилась для дыхания, материки лежали неровными пластами окаменевшей лавы, и только в одном месте исследователи обнаружили жизнь.

Посреди молодых (в геологическом понимании) горных хребтов лежало море.

Циклопическая котловина, расположенная на высоте семисот метров относительно лавовых равнин, была заполнена солоноватой, теплой водой, в которой на протяжении нескольких миллионов лет процветала

примитивная органика.

Удивительный природный казус: вода и микроскопическая жизнь в окружении мертвых гор и горячих, огнедышащих равнин. Примитивные микроорганизмы безудержно плодились в мутных водах и так же быстро умирали, исполнив свой немудреный жизненный цикл. Их микроскопические тела, незримые и невесомые на первый взгляд, опускались на дно и отлагались на базальтовом ложе котловины миллионами тонн органических наслоений.

Часть из них, вместе с водами теплого моря, просачивалась глубже, сквозь трещины скального основания, заполняя скрытые каверны планетной коры, где из органических отложений под действием давления и высокой температуры недр на протяжении

миллионов лет образовывалась нефть.

Уникальный мир контрастов, идеальная природная лаборатория для ученых, занимающихся планетной эволюцией, оказался востребован вовсе не в научных целях.

Колониальная администрация, базирующаяся на далеком Аллоре, была в тот период еще слишком слаба, чтобы оказывать сколь либо заметное влияние на процессы освоения новых планет.

Резиденция, выстроенная прадедом Раули, располагалась на обширном горном плато, некогда царившем над безбрежными водами чуждого человеку моря. Это был остров, плоский и неприветливый, с обрывистыми скалистыми берегами, которые постоянно облизывал мутный, пенный прибой. В глубинах моря таилась не познанная экзобиологами примитивная

жизнь, но она мало волновала владельца новоиспеченной колонии. Он приобрел этот участок чуждого мира исключительно из экономических соображений и не собирался проводить тут научные эксперименты. Прадеда интересовали нефть и способы ее эффективной добычи.

Первый корабль, совершивший посадку на остров, доставил на своем борту специалистов по горнопроходческим и взрывным работам. Горные инженеры произвели разведку и достаточно быстро нашли тонкое место в обрамляющих водные просторы скальных массивах. Там излишек морских вод низвергался вниз чередой великолепных горячих водопадов, память о которых осталась теперь лишь на электронных снимках, сделанных в ту далекую пору. Взрывотехники превратили

ограниченный сток в глубокое ущелье, через которое морские воды с ревом устремились вниз, низвергаясь на бесплодные, раскаленные внутренним жаром вулканические равнины.

Кристофер не мог осуждать прадеда, который варварски осушил море, оставив в котловине лишь минимум воды, необходимый для поддержания микроклимата. Наверное, на его месте он сам поступил бы так же. Море ушло, обнажив огромные пространства, покрытые многометровым слоем органических отложений. В тех местах, где морские глубины превышали двухсотметровую отметку, осталось два мутных заиленных озера, существующих и по сей день.

Обнажившееся дно, покрытое мощным слоем органических отложений, быстро высохло, превратившись из топкой грязи, над

которой курилось марево зловонных испарений, в безобразные, сетчатые от трещин просторы, куда спустя полгода после посадки космического корабля выползли первые автоматические почвоукладчики.

Оставшаяся на месте морских просторов котловина, окруженная со всех сторон горными хребтами, была быстро и бесхитростно адаптирована к нуждам человека – все чуждое унес мутный поток безвозвратно изринутых вод, а почвоукладчики и автоматические станции контроля климата завершили процесс, превратив обнажившееся морское ложе в пригодные для строительства и земледелия пространства.

На добрую сотню лет в котловине воцарился мягкий микроклимат. Над ней незримо возвышался купол электромагнитной защиты, под

которым клубились облака; спокойные, предсказуемые ветра гнали их по замкнутому кругу вдоль периметра горных хребтов, периодические дожди орошали сельскохозяйственные угодья, а буровые вышки, щедро разбросанные по природным месторождениям нефти, гнали неиссякаемый поток «черного золота» к двум перерабатывающим комплексам.

При жизни прадеда тут буйно расцвела жизнь, но в любом мире, как известно, за все нужно платить, и период процветания, основанный на бездумной эксплуатации недр, тоже не мог длиться вечно.

Формально Кристофер Раули вступил в права наследства десять лет назад, когда микроклимат котловины уже давно и необратимо нарушился. Два озера, оставшиеся на месте морских глубин, быстро пересыхали, а

их вода, перенасыщенная соляными растворами, не годилась даже для промышленного употребления. Нефтяные скважины за полтора столетия эксплуатации исчерпали ресурс недр. Запасы нефти оказались не столь велики, как прогнозировали данные разведки, и поэтому дела в колонии шли неважно уже полвека назад, когда молодой Кристофер покидал отчий дом. Теперь его взгляду предстала совсем не та картина, которая врезалась в память ребенка: город, разросшийся на дне котловины, давно разрушился и опустел, электромагнитное поле больше не отгораживало атмосферу покинутой колонии от агрессивной воздушной среды Гефеста, а вся техника, брошенная тут, постепенно превращалась в груды металла, годного разве что для переплавки.

Отец Кристофера, Вениамин Раули, прежде чем передать бразды правления в руки старшего из наследников, успел сделать несколько шагов в сторону спасения единственного поселения планеты: он установил дополнительные станции климатического контроля, построил завод для химической очистки воды и попытался полностью компьютеризировать остатки нефтедобывающей отрасли, вбив бешеные деньги в приобретение для небольшой колонии собственной станции гиперсферной связи, соединив, таким образом, поселение Гефеста с общечеловеческой сетью Интерстар.

Последний шаг отца не казался Кристоферу разумным — зачем вымирающему поселению была нужна внепространственная связь на гиперсферных частотах, когда тут вскоре не осталось ни единой живой

души?

...Он обернулся и посмотрел на молодого человека.

– Вы согласились на предварительные условия сделки, – произнес Кристофер. – Можете пояснить, что же вас смущает, господин Столетов?

Тот глотнул коньяку, предложенного хозяином, и кивнул, ставя бокал назад на низкий, покрытый слоем пыли стол.

– Проблема в станции ГЧ. Она не функционирует.

– Какого черта? При чем здесь ретранслятор гиперсферных частот? Речь шла о колонии – куске земли на поверхности планеты! – не скрывая раздражения, напомнил Раули.

– Да, но в документах указано, что для продажи выставлена «колония со всем эксплуатационным оборудованием», – процитировал

Столетов. – Станция ГЧ фигурирует в списке приложения, – резонно напомнил он.

– Она не работает уже несколько десятилетий, пробурчал в ответ Кристофер. – На ее содержание нет денег.

– То есть ее оборудование исправно? – уточнил Столетов. – Это можно проверить?

– Теоретически, – ответил Раули, начиная понимать, что молодого человека интересует отнюдь не сама колония. «Что ж, станция ГЧ в денежном эквиваленте, наверное, сопоставима с одним супермощным, но чрезвычайно компактным компьютером расы логриан», – мысленно рассудил он.

– Это будет справедливая сделка, – озвучил Кристофер промелькнувшую в голове мысль, нарушая логику их

разговора.

– В смысле? – переспросил Столетов, сразу же насторожившись.

– В смысле обоюдного риска, – позволил себе усмехнуться Крис. – Я не могу проверить справедливость утверждений, что *Логр* является устройством, гарантирующим жизнь после смерти, а вы, в свою очередь, сможете протестировать сервер сети Интерстар только после реактивации основных комплексов станции ГЧ. По-моему, я рискую больше, чем вы, Денис Андреевич.

Столетов посмотрел на него так, что у Раули вдруг возникло ощущение легкого озноба, прокравшегося вдоль позвоночника. Мальчик, судя по взгляду, был еще тот, даром, что Кристофер почувствовал в нем мертвую хватку молодого волка, только вступающего в пору своей зрелости,

еще при первом, заочном знакомстве посредством сетевой видеосвязи.

– Я не нахожу это забавным, – произнес гость, откидываясь на спинку кресла.

– Я тоже. – Улыбка, за которой Раули машинально спрятал неприятно промелькнувшее чувство, стерлась с его обрюзгшего лица. – Нужно было четко обозначать свои истинные интересы, тогда недоразумений бы не возникло, – тоже оскалился он. – Мои дни сочтены, и у меня нет времени на торг. Отдавать себе отчет в том, что умираешь, – вещь малоприятная, можете поверить.

– Хочется жить? – иронично поинтересовался Столетов.

– Нет. – Раули нисколько не задел цинизм собеседника, – он сам был таким, пока старость не стерла его железного самоконтроля. – Хочется

умереть, — лаконично ответил он. — Устал.

Они встретились взглядами и несколько секунд испытующе смотрели друг на друга.

Столетов не выдержал первым. Неизвестно, что он разглядел в мутноватых, заплывших под припухшими веками глазах неизлечимо больного старика, но его рука потянулась к внутреннему карману.

— Ладно. — Он вытащил непрозрачную коробочку, какие обычно употребляют для упаковки ювелирных изделий, и поставил ее на стол. Легкое нажатие, и крышечка откинулась, обнажив утопленный в бархатную подкладку невзрачный, черный как смоль кристалл.

— Это и есть *Логр*?

— Да.

— Как я смогу им воспользоваться?

Столетов вытащил еще одну коробочку.

– Это адаптер, – пояснил он. – Вставляете в него *Логр*, и он станет совместим по размерам со стандартным гнездом кристаллопривода любого серийного компьютерного терминала.

– Затем?

– Затем остается вставить шунт нейросенсорного соединения в свой имплант – Столетов выразительно коснулся мягкой заглушки за своим правым ухом – и посидеть, расслабившись, минут пятнадцать... для верности можно полчаса. Вот и все.

– Так просто?

– Да.

– А что потом? – Раули заранее изучил процедуру, но привычка подстраховываться, производить, так сказать, контрольный выстрел при любых обстоятельствах не покидала его

даже в эти дни, когда близкое, отвратительное дыхание смерти уже осенило его тело и разум.

– Транспортировка кристалла к миллиардам ему подобных, то есть в *Логрис*, – это уже ваша головная боль, – прямо ответил ему Столетов. – Можете нанять человека, можете воспользоваться услугами проверенных фирм, занимающихся межзвездной перевозкой такого рода.

– Разве доступ к *Логрису* так прост? – перебил его Раули.

Столетов неприязненно посмотрел на него.

– Не морочьте мне голову, – резко ответил он. – Думаю, вы не из тех, кто играет вслепую, особенно когда ставки задраны на уровень жизни и смерти. У вас уже есть канал доставки, или я не прав?

Кристофер позволил себе

усмехнуться.

– Да, – кивнул он.

– Тогда не станем тратить время. Забирайте кристалл и подписывайте бумаги.

Часть I. ГОРДИЕВ УЗЕЛ

Глава 1

Планета Элио.

*Здание штаб-квартиры
Конфедерации Солнц.*

*Кабинет начальника отдела внешней
разведки...*

– Молодец, Денис. Чисто провел операцию.

Столетов молча выслушал похвалу, подумав при этом, что сработать было нетрудно, старик действительно умирал, и его стремление любой ценой

получить в свои руки артефакт древней расы до неприличия упрощало задание.

Полковник Грин посмотрел на подчиненного.

– Капитан, нам предстоит длительная командировка, – произнес он.

– Что-то серьезное? – Глаза Дениса оставались спокойными и бесцветными. Грин хорошо знал Столетова и понимал, что капитан сейчас напряженно ждет, даже не пытаясь угадать, в какую мясорубку кинут его на сей раз. Служба в отделе внешней разведки предполагала самый широкий спектр неожиданно возникающих проблем.

– Не напрягайся. – Грин сцепил пальцы рук в замок, вспоминая свой недавний разговор с непосредственным начальством, и вдруг понял, что последняя фраза, оброненная перед капитаном, пахивала ложью

самоуспокоения.

На самом деле предстоящее задание обещало гораздо больше трудностей, чем любая иная спецоперация...

ИСТОРИЧЕСКАЯ СПРАВКА

Три миллиона лет назад, когда люди на Земле еще пребывали в святом неведении палеолита, в спиральном рукаве Галактики существовали четыре разумные расы, соседствующие друг с другом и успешно осваивающие космическое пространство.

По мере продвижения человечества в глубокий космос первыми были открыты и изучены артефакты расы ластоногих существ, обитавших в водной среде и потому получивших название «дельфоны». Затем были обнаружены древние постройки и

остаточные поселения насекомых, за ними последовало открытие расы логриан – загадочных двухголовых ксеноморфов, и, наконец, последними, с кем столкнулись люди на пути своей экспансии в глубь спирального рукава Галактики, оказались голубокожие хараммины – наиболее близкий нам по строению, гуманоидный вид разумных существ.

Однако, рассматривая события древнейшей истории, нужно заметить, что, кроме упомянутых рас, на огромной мизансцене миллионнолетней давности присутствовала еще одна сила, не наделенная таким качеством, как разум.

Это были Предтечи – космическая форма примитивной жизни, – которые однажды появились из глубин туманности Ориона и начали свою опустошительную миграцию в

направлении галактического центра.

Эта миграция сыграла катастрофическую роль в судьбе древних рас, а ее отголоски спустя три миллиона лет коснулись и человечества, хотя сами орды амебоподобных созданий давно исчезли, канули в Лету.

Доподлинно известно несколько основополагающих факторов масштабной трагедии, разыгравшейся три миллиона лет назад в объеме пространства, который известен сегодня под названием «Рукав Пустоты».

Предтечи, чья истинная сущность до сих пор вызывает споры и разногласия, вели себя как неразумное, всепожирающее сонмище мигрирующих животных. Каждая отдельно взятая особь представляла собой аморфную массу, заключенную в

кокон электромагнитного поля, и казалась неопасной, но в совокупности они составляли страшную, всепожирающую силу, с которой нельзя договориться и которую невозможно остановить. Предтеч насчитывались миллиарды, они медленно перемещались от одной звездной системы к другой, питаясь любым доступным веществом, начиная от межзвездной газопылевой смеси и заканчивая непосредственно небесными телами, такими, как метеоры, астероиды, луны и планеты.

Путь их миграции пролегал через космическое пространство, освоенное инсектами, логрианами и дельфонами. Скопление звезд, в котором непосредственно развивалась цивилизация харамминов, лежало в стороне от губительного курса предтеч.

Трудно описать истинные масштабы

трагедии, разыгравшейся три миллиона лет назад и длившейся не одно тысячелетие. Три древние расы, планеты которых оказались на пути неразумных орд, по-разному отреагировали на неминуемо надвигающуюся угрозу. Инсекты и логриане предпочли сняться с места и мигрировать, дельфоны сделать этого не смогли: средой обитания ластоногих существ являлся океан, и в их распоряжении не оказалось миров, полностью или частично покрытых водой, куда можно было отступить или же вторгнуться под неумолимым прессингом медленно перемещающихся в пространстве орд амебоподобных созданий, сеющих опустошение и смерть.

В этих условиях дельфонам не оставалось ничего иного, как вступить в борьбу с ними. Пытаясь сбить

мигрирующие сонмища с гибельного курса, они взрывали звезды, пережигая в этих катастрофических вспышках миллиарды Предтеч, но те безудержно размножались, восполняя потери, и продолжали свою опустошительную, неторопливую миграцию.

Цивилизация дельфионов исчезла, а на месте взорванных ими звезд образовался печально известный Рукав Пустоты – полоса чернильного мрака, протянувшаяся на сотни световых лет, где до сих пор блуждают сорванные со своих орбит, опаленные неистовым огнем планетоиды – осиротевшие скитальцы, пережившие гибель своих солнц...

Цивилизация дельфионов не смогла остановить гибельную миграцию примитивных космических существ, но как в таком случае сложилась судьба инсектов и логриан, которые не

принимали участия в титанической борьбе?

На сегодняшний день известно, что ни одна из рас древности не изобрела гиперпривод, по крайней мере в таком виде, как его создали люди, потому космические корабли логриан и инсектов были ограничены в скорости перемещения и радиусе возможного полета. Впереди уже гибли планеты дельфионов, и в сложившейся ситуации ближайшим убежищем для беглецов могло послужить только скопление звезд, освоенное харамминами.

Цивилизация голубокожих гуманоидов к тому моменту плотно заселяла пригодные для жизни системы скопления, но тем не менее три миллиона лет назад хараммины повели себя мудро: избегая полномасштабной войны, они приняли в границы освоенного ими пространства две

беглые расы – инсектов и логриан, на неравных правах, разумеется. Их цивилизация впитала все лучшее, что смогли дать им беглые народы, – в частности, от инсектов они получили технологию постройки Сферы Дайсона, а от логриан – их сверхмощные компьютеры, заключенные в оболочку уместающегося на ладони кристалла.

Такой кристалл носил название «*Логр*».

Раса двухголовых ксеноморфов разработала их, изучая проблему бессмертия личности.

Миллионы подобных кристаллов, соединенные «месте», образовывали так называемый *Логрис* – древний аналог современной межзвездной сети Интерстар. *Логрис* отличался от человеческого единения сетевых машин прежде всего тем, что объединял не удаленные миры, а

усопшие личности.

Это была виртуальная Вселенная, куда уходил разум каждого почившего в бозе логрианина. Первым и безусловным правилом *Логриса*, которое двухголовые ксеноморфы вывели на основе собственного горького опыта, являлся постулат о необратимости смерти. Ни одна личность не могла быть возвращена из *Логриса* в мир реальный. Реинкарнация на биологический носитель исключалась, но данный запрет носил исключительно моральную окраску и не имел ничего общего с технической стороной вопроса.

Тем временем миграция Предтеч продолжалась, их вихрь медленно перемещался вдоль границ шарового скопления звезд, и реальная опасность вторжения побудила харамминов к

действиям.

Пользуясь техническими достижениями логриан, они решились на адекватный угрозе шаг: скрыть раздражающий свет звезд, ориентируясь на который двигались предтечи, спрятать родные светила за непроницаемой вуалью гравитационного искривления метрики пространства, для чего по периферии скопления были установлены искусственные источники тяготения. Удаленные от пограничных солнц, они заставляли световые волны плавно поворачивать, пока те не искривлялись настолько, что начинали скользить по границам незримой сферы.

Со стороны казалось, что в данном месте зияет чудовищный провал пустоты, дополняющий собой печально известный Рукав, где действительно отсутствовали звезды...

...Минуло три миллиона лет.

На Земле прошли исторические эпохи, человечество вышло в околопланетное пространство, а затем и в глубокий космос, не подозревая, что на его пути, в скрытом вуалью забвения скоплении звезд, варятся в собственном соку три древние расы, давно утратившие реальное представление об истинной структуре Вселенной.

Хараммины, перенявшие у двухголовых ксеноморфов технологию *Логра*, но презревшие его основной этический принцип, превратились за это время в горстку правящих Бессмертных – так называемую Квоту.

Раз за разом возрождаясь в клонированных телах, их души за три миллиона лет прошли собственную эволюцию, которая в конечном итоге сделала их обладателей равнодушными,

циничными, презирающими всех и
вся...

Когда в границах скопления
появился первый человеческий
корабль, случайно прорвавший Вуаль
искривленной метрики, для анклага
харамминов, измельчавшего к тому
времени до размеров небольшого
планетного поселения, факт
«вторжения» новой расы явился
настоящим шоком.

Уничтожив пришельцев, они
впервые за прошедшую бездну лет
обратили свой взгляд за пределы
подконтрольного им скопления звезд
и... ужаснулись.

У их «порога» бился временно
остановленный Рукавом Пустоты
неукротимый прибой человеческой
экспансии.

Они увидели существ молодых,
энергичных, чьи технологии внушали

невольный трепет: гиперпривод позволял космическим кораблям новой цивилизации преодолевать сотни световых лет, разделяющих их колонии; машины людей видоизменяли биосферы планет, подгоняя их под эталон далекой прародины, боевая техника ужасала своей потенциальной мощностью... В новой цивилизации хараммины увидели себя, как в зеркале... Они действительно были похожи на людей и могли бы пройти подобный путь развития, не закупорься их предки в свое время в границах шарового скопления звезд...

Для Квоты Бессмертных внезапно возродился призрак их судного дня. Растеряв в миллионнолетней стагнации большинство технологий, утратив саму идею экспансии, они поняли, что будут бессильны противостоять людям, как только произойдет широкомасштабный

прорыв Вуали.

Они не строили иллюзий — для этого разум харамминов был слишком стар, опытен и циничен. Наблюдая за людьми, они все отчетливее понимали, что их никто не станет ни завоевывать, ни терпеть. Люди рано или поздно пройдут сквозь гравитационное искривление, но не с целью завоевания... нет, просто развивая собственную экспансию, продолжая поступательное движение вперед, временно остановившееся у черного провала мнимой пустоты. И данного факта будет достаточно для кончины Квоты как таковой. Миры инсектов и логриан, изнывающие под бременем перенаселения и уже фактически неподконтрольные своим прежним хозяевам, тут же «взорвутся»...

Единственной возможностью сохранить статус-кво, по логике

харамминов, было нанесение превентивного удара по человечеству, который отшвырнул бы молодую цивилизацию назад, столкнув ее на путь регресса.

Но как осуществить подобную акцию, не имея ни армии, ни сопоставимых по мощи технологий, ни космического флота?

Это был трудный вопрос, однако Бессмертные из числа Квоты не зря кичились своим титулом. Хоть их и насчитывалось всего несколько тысяч, но за плечами каждого лежал опыт миллионов лет существования.

Они умели ждать, в очередной раз уповая на вечность, как на своего верного союзника... и не напрасно.

Наблюдая за сложной политической и экономической борьбой колонизированных людьми миров, хараммины быстро заметили

разобщенность отдельных планет, нашли в этом слабинку и, развивая мысль о превентивном ударе, обратили свой взор на технические достижения людей.

Сеть Интерстар, опутывающая звезды и позволяющая осуществлять мгновенную связь между мирами на гиперсферных частотах, показалась им наиболее уязвимой составляющей могущества молодой цивилизации. Гиперсферные маяки, без которых невозможна навигация в аномалии космоса, базировались на тех же мощностях, что и сама сеть, — каждая планета имела свою станцию Гиперсферной Частоты, но воедино их связывал единственный центральный узел, расположенный на орбитах планеты Элио, — столицы существовавшей на тот момент Конфедерации Солнц.

Функции Элианского узла не были продублированы в силу исторических причин. Именно отсюда начала свое развитие межзвездная компьютерная сеть Интерстар, и каждая новая планета, входящая в состав Конфедерации, просто подключала свою станцию ГЧ к центральному узлу. Такая монополия, естественно, являлась порочной, ненадежной практикой, но тут вступали в силу политические и экономические особенности развития самого человечества и Конфедерации в частности: военных и политиков устраивал статус планеты Элио как столицы всех человеческих миров, и они старались всячески поддержать его, в том числе используя монополию на межзвездную связь.

Никто не думал, что за разросшимся сообществом человеческих миров вот

уже несколько десятилетий кряду наблюдают холодные, оценивающие глаза.

Хараммины действовали спокойно, расчетливо и методично.

Первый шок от случайного вторжения прошел, повторного прорыва Вуали не произошло, и это позволило харамминам освоиться, начать глубокое изучение новой цивилизации, получить образцы человеческих технологий, а вкуче с ними... и доступ в сеть Интерстар!

В тот роковой миг, когда чужие проникли в общечеловеческую кибернетическую сеть, великий, неколебимый принцип безграничной свободы и анонимности виртуального пространства стал работать против своих создателей.

Пользуясь этим действенным принципом, хараммины смогли не

только постичь «изнутри» психологию новой расы, но и восполнить, свой упадок технологий, закупая через сеть самые современные и смертоносные образчики человеческих вооружений.

Великий нонсенс, который уже не раз и не два подводил цивилизацию к роковой черте еще со времен давно позабытой сети Интернет, которая когда-то, до выхода человечества в дальний космос, существовала на планете Земля и анонимностью которой успешно пользовались древние террористические организации далекой прародины...

Некоторые ошибки мы склонны повторять вновь и вновь...

Хараммины не действовали вслепую. Они ждали своего часа, наблюдая за медленным упадком, а затем — за развалом Конфедерации Солнц, не выдержавшей прессинга со стороны

молодых промышленных миров
Окраины, которые жаждали планетных
суверенитетов. Военно-космический
флот Совета Безопасности Миров
подвергался жесточайшей критике,
Окраина реально грозила взорваться,
инициировав третью галактическую
войну, и старая Конфедерация не
выдержала многолетнего прессинга,
объявила, наконец, о самороспуске и
консервации интернационального
космического флота. Каждая из планет
теперь получала право на полное
самоопределение и могла владеть
своим собственным космическим
флотом, но до реального создания
таких сил должны были пройти как
минимум десятилетия.

Проникновение в сеть Интерстар
предоставило харамминам
великолепную возможность для
подготовки операции. Действуя, как

анонимные клиенты, они закупали через виртуальные каналы не только технику и вооружение, но и информацию. Спрос всегда рождает предложение, и из сотен тысяч оставшихся не у дел бывших офицеров самораспустившейся Конфедерации Солнц нашлись те, кто продал чужакам необходимые данные, начиная от подробной схемы орбитальной обороны Элио и заканчивая кодами доступа к законсервированным компьютерам генерального штаба Совета Безопасности миров, который прекратил свою деятельность вместе с распадом звездного сообщества.

Планируя вторжение, хараммины учли, что после распада Конфедерации Солнц у людей более не стало единого космического флота и централизованного командования силами самообороны планет — то есть

настал самый удобный момент для нанесения удара.

Оставалось лишь разрушить сеть Интерстар, и тогда каждая, отдельно взятая планета, лишившись связи на гиперсферных частотах, автоматически попадала в полную изоляцию и становилась легкой добычей для сил «второй волны», которую хараммины намеревались сформировать из инсектов, просто указав правителям похожих на муравейники перенаселенных миров своего скопления на новые планеты, подлежащие захвату и колонизации.

Все было рассчитано до мелочей. В процессе изучения структуры сети Интерстар и психологии людей хараммины, планируя превентивный удар, сделали безошибочную ставку на внезапность нападения и разобщенность человеческих миров.

Казалось, что в миг, когда первая ракета, пробив орбитальный заслон, взломала обшивку одной из семи узловых станций ГЧ, расположенных на орбитах Элио, все шансы человечества на выживание как независимой, экспансивной расы были сведены к нулю.

Атаку на Элио развивали всего два крейсера, захваченные харамминами в разное время и укомплектованные экипажами из инсектов. Сами по себе корабли не представляли особо грозной силы, но атака на Элианские станции ГЧ и разрушение центрального сервера Интерстар тут же повлекли за собой непоправимые последствия. В одно мгновение рухнула вся инфраструктура межзвездной связи, отключились не только виртуальные каналы передачи данных, но и связанные с ними подпространственные навигационные

маяки.

Человечество оказалось раздроблено, каждая отдельно взятая планета буквально ослепла и оглохла. Сотни световых лет, разделяющих человеческие миры, вдруг стали *реальностью*, такой же неодолимой, как это было в эпоху первых слепых рывков начала экспансии.

Не было средства, чтобы подать сигнал оповещения, не было и космического флота, чтобы противостоять полномасштабной агрессии хотя бы в рамках атакованной планеты Элио, не было информации о противнике, а когда на старто-посадочные поля Раворградского космопорта опустились «Нибелунги» – челночные носители, специально разработанные для доставки на планеты боевых серв-соединений, то у

немногочисленного персонала диспетчерской смены исчезла всякая надежда на спасение...

Из черных провалов открывшихся рамп на стеклобетон посадочных полей ступили грозные шагающие боевые машины. В качестве пехотной поддержки их окружали не фигурки космических десантников, а страшные силуэты ксеноморфов!..

Это было вторжение *чуждой расы!*..

Наступил самый страшный день за всю новейшую историю цивилизации.

Сотни человеческих миров оказались расколоты, разобщены одним варварским и точно продуманным ударом. Уже рухнуло самое слабое звено — прекратилась связь на гиперсферных частотах. Далее, по замыслу противника, следовал удар в самое сердце недавнего человеческого единства: захват штаб-квартиры Совета

Безопасности Миров автоматически привел бы к непоправимым последствиям. Нападающие раздобыли коды доступа к центральному компьютеру генштаба, и в случае успеха в руки харамминов попадала вся мощь законсервированной боевой техники бывшего звездного сообщества. Но до заветных бункеров, расположенных под площадью, над которой трепетали на ветру флаги двухсот семнадцати планет, им не дали пройти...

Драматические события на Элио, по сути спасшие человечество от разгрома, окончились плачевно для самих харамминов – их силы вторжения были разбиты ценой огромных потерь среди гражданского населения Раворграда... Далее последовало знаменитое сражение в Сфере Дайсона, прорыв Вуали и дерзкий рейд нескольких

боевых кораблей на планету Бессмертных, в ходе которого была уничтожена Квота и обнаружено неизвестное шаровое скопление звезд.

Спустя несколько суток после атаки на планету харамминов был установлен контакт с современными обитателями скопления – цивилизациями инсектов и логриан, до тех пор считавшихся вымершими.

Они, не желая войны, охотно пошли на сотрудничество, не понимая того, что перед ними не полномочные представители человечества, а лишь горстка случайно избранных судьбой людей, *вынужденных* принимать далеко идущие решения, разговаривая от имени цивилизации... Но кто мог предсказать реакцию отдельных планет и мелких союзов на договоренности, достигнутые с иными расами? В отсутствие связи на гиперсферных

частотах моральному бремени этих людей трудно было позавидовать.

Хараммины действительно раздробили человечество. Мгновенный информационный вакуум сделал обитаемые миры далекими и недоступными. В состоявшемся факте был заключен страшный урок, наказание за беспечность, но ничего уже нельзя было исправить.

В эти трагические дни и вызрело решение, показавшееся единственной соломинкой, за которую стоило ухватиться. После контакта с двумя древними расами стало ясно, что обнаруженные незадолго до трагических событий артефакты, а именно: миллионы кристаллов, найденных рудодобывающим комплексом «Спейсстоун» в глубинах Рукава Пустоты, среди разрушенных циклопических сооружений, являются

не чем иным, как фрагментами того самого *Логриса* — мифической электронной машины расы двухголовых ксеноморфов.

Логриане, вступившие в контакт с представителями человечества, опознали эти останки как разрозненные, но функциональные компоненты утраченного в период миграции Предтеч *Логриса*.

Анализ структуры парящих в космосе кристаллов, каждый из которых представлял собой мощнейший мини-компьютер, показал, что, собранные вместе, они по совокупности своих вычислительных ресурсов могут тысячекратно восполнить утрату Элианского компьютерного узла, вновь соединив человеческие миры в сеть Интерстар...

Для этого нужно было всего лишь собрать рассеянные в пространстве

Логры , реанимировав тем самым древнюю машину иной расы, и подключить к ней передатчики гиперсферных частот.

Технически все выглядело просто, но от людей, поставленных в безвыходные условия, требовалось изрядное мужество, чтобы пойти на такой эксперимент, — после миллионов лет забвения уже никто не мог поручиться, что воссозданный *Логрис* будет управляемым...

Однако иного выхода не нашлось, и *Логрис* , миллионы лет назад раздробленный на отдельные кристаллические фрагменты, был восстановлен в мертвых глубинах Рукава Пустоты.

Риск оказался оправданным: горстка людей, победившая в нескольких скоротечных схватках с захватчиками, стала свидетелем необыкновенной

гибкости древних технологий, когда вновь образованный в пространстве кристаллический смерч легко адаптировался к подключенным к нему приемопередающим устройствам, разработанным людьми, и сеть Интерстар, чей глобальный сбой вызвал хаос на двухстах семнадцати человеческих мирах, внезапно ожила. *Логрис*, как и предполагалось, проводил по своим кристаллам информационные потоки, не искажая их, и уже через несколько дней отдельные планеты обитаемой Галактики смогли вновь услышать друг друга...

Кристаллический смерч, окруженный демонтированными с космических кораблей приемопередающими устройствами гиперсферных сигналов, вращался в абсолютном мраке Рукава, и казалось, что информационная

целостность Человечества
восстановлена, но люди, ответственные
за реанимацию древней машины,
понимали, что данный успех может
оказаться временным, а дальнейшие
события, учитывая разобщенность
цивилизации, способны привести к
новым, непредсказуемым конфликтам и
потерям.

Нужно было воспользоваться
моментом и восстановить
Конфедерацию Солнц, чтобы скрепить
созданный союз трех рас, инициировав
тем самым новый виток в истории
обитаемой Галактики...

Планета Элио.

*За несколько месяцев до смерти
Кристофера Раули...*

Начало событиям, которые привели
капитана Столетова на Гефест, где

состоялась его сделка с Кристофером Раули, было положено ранним праздничным утром, в день, когда вся обитаемая Галактика отмечала десятилетнюю годовщину со дня новообразования Конфедерации Солнц.

Звонок мобильного коммуникатора раздался внезапно, но полковник Грин встал в этот день рано, намереваясь отправиться в город, и поэтому сразу ответил на вызов.

Голос в трубке был знаком.

– Слушаю, господин генерал. – Он сразу понял, что про любые планы, построенные на сегодняшний день, можно прочно забыть.

– Александр, я бы хотел тебя видеть, – подтверждая его опасения, произнес Белов.

– Да, сэр. Когда и где? – Грин не задавал лишних вопросов, когда речь шла о службе.

– Собирайся и приезжай ко мне в загородную резиденцию. Сегодня тут относительно безлюдно, так что сможем спокойно потолковать. Рыбалку любишь, полковник?

– Нет, сэр.

– Отлично, – неизвестно чему порадовался голос в трубке. – Я буду ждать тебя. Охрана проводит.

В мобильном коммуникаторе запищал частый сигнал отбоя.

* * *

В загородной резиденции, которую ведомство контрразведки снимало для своих сотрудников в полусотне километров от столицы Элио Раворграда, этим утром действительно царил сонный покой.

Полковник Грин хорошо понимал,

что означает столь неурочный вызов. Ему собирались дать задание, но не стоило заранее ломать голову – какое именно.

Надев гражданский костюм, он взял из подземного гаража личную машину и через десять минут уже выехал на окружную трассу, которая шла вдоль маслянистых вод залива Эйкон, мимо памятника, установленного на месте посадки колониального транспорта «Кривич» и пламенеющих над водной гладью могучих растительных великанов Раворов, к окружающей мегаполис лесопарковой зоне.

Свернув с кольцевой дороги, он провел машину по спиральному спуску многоуровневой развязки и углубился во влажный сумрак лесного массива, следуя по узкому асфальтированному шоссе, которое оканчивалось тупиком парковочной площадки, перед

КОМПЛЕКСОМ ОДНО-ДВУХЭТАЖНЫХ зданий,
В живописном беспорядке
разбросанных в тенистой тиши могучих
древесных крон.

* * *

Генерала он нашел сидящим в
раскладном кресле на шатких
деревянных мостках, уходивших от
края обрывистого берега безымянной
лесной речушки, вдаваясь на несколько
метров в спокойную, похожую на
мутное зеркало водную гладь
искусственно созданной запруды. Под
сенью деревьев, несмотря на солнечное
утро, царил влажный полумрак.

– Садись, Александр, –
полуобернувшись, пригласил его Белов,
указывая на второе кресло, стоявшее
тут же на краю мостков.

– Доброе утро, Петр Алексеевич.

– Доброе... – Генерал произнес это слово так, словно разжевывал его, предварительно пробуя на вкус. Он был сед как лунь, и неудивительно, что сзади его легко можно было принять за старика-пенсионера, коротающего свои дни в занятии рыбалкой. Белову в этом году исполнилось шестьдесят, а бремя забот, которое он нес вот уже десять лет кряду, добавило к возрасту немало своих неумолимых штрихов.

Грин присел в кресло, покосившись на короткое удилище в руках генерала.

«Что это, дань привычке конспирировать свои встречи, истинное увлечение или простая хандра?» – невольно спросил себя он. В день Конфедерации Солнц видеть сгорбленную спину генерала, который десять лет назад в нескольких километрах отсюда с горсткой

безумцев остановил вторжение иной цивилизации, было, как минимум, странно...

Сам Грин являлся уроженцем другой планеты – Кьюига, а на Элио прилетел позже, спустя год после неудавшегося вторжения харамминов, однако он до сих пор не мог забыть потрясения, которое испытал, глядя на уродливый, трудно зарастающий шрам, располосовавший тело города. Исполинская, обугленная просека шла от основания мегаполиса к его центру, разрубая массивы зданий на ширину в несколько кварталов, и жуткое впечатление от увиденного осталось в его душе на всю жизнь.

Это был путь, по которому боевые шагающие машины противника, внезапно обрушившиеся на столицу Элио, рвались к самому сердцу города, где располагалась штаб-квартира

Совета Безопасности Миров.

Чужаков остановили в полукилометре от площади ценой множества жизней. Остановили, несмотря на полный развал военной машины, оставшейся от прошлой Конфедерации Солнц, несмотря на внезапность нападения и отсутствие на планете сколь-либо боеспособных воинских формирований.

Белов являлся одним из тех, кто сражался с харамминами, — это полковник знал точно. «Казалось бы, годовщина победы должна стать его праздником, размышлял Грин, глядя на старика, — так почему же он вызвал меня именно сегодня, а сам сидит, сгорбившись, на шатких мостках, с этой нелепой удочкой в руках?!» Очевидно, ему не удалось скрыть свое недоумение.

— Думаешь, у меня крыша поехала от

старости? — покосившись на полковника, спросил Белов, перезакидывая удочку так, чтобы ярко-красный поплавок оказался подальше от берега.

Грин тактично промолчал. Тянуться в струнку было глупо, а отвечать невпопад — тем более.

— Ладно. Сейчас объясню. — Белов обернулся к столику, на котором стояла початая пластиковая бутылка без этикетки и красовалась на розовых тарелках нехитрая закуска. Протянув руку, он взял один из двух уже наполненных заранее стаканчиков и сказал: — Расслабься, полковник. С головой у меня все в порядке. Давай... за тех, кто погиб, в тот день...

Сделав глоток, Грин задохнулся, но, поборов спазм, все же допил.

Белов, насмешливо глядя на него, шумно выдохнул, потянулся за тонко

нарезанным хлебом, но закусывать не стал, только понюхал горбушку и положил на тарелку перед собой.

Александр не решился на подобный подвиг.

– Водка, полковник. Самый древний напиток, – скупое пояснил генерал. – Больше не налью, если слезу вышибает. Мне твои мозги нужны трезвыми.

От города в этот миг внезапно донеслись тугие, ритмичные, тревожащие слух хлопки. Это началось запланированное заранее показательное выступление серв-соединений. Действие, чей отзвук долетел до глубин окаймляющего город лесного массива, разворачивалось на специально оборудованных для этого равнинах старто-посадочных полей космопорта, где по историческому сценарию в данный момент высаживались механизированные соединения

противника, едва не поставившие десять лет назад жирную точку в человеческой истории.

Белов, прислушиваясь к отдаленному гулу канонады, посмотрел на Грина и внезапно произнес, кивнув на скупое сервированный стол:

– Пир во время чумы...

Грин удивленно приподнял бровь.

– Не шевели ушами, полковник, я знаю, что говорю, – произнес Белов и покосился на поплавок, безжизненно застывший на ровной, как мутное стекло, глади небольшой запруды.

Со стороны космопорта опять донесся грохот...

* * *

Полковник Грин прекрасно представлял, что творится сейчас на

специально оборудованном демонстрационном поле.

...Стих рев планетарных двигателей челночных кораблей. Их обшивка дышала жаром; в наступившей тишине был слышен треск остывающих пластин брони, а спустя несколько мгновений, перекрывая эти звуки, нервно взвизгнули приводы открывающихся десантных рамп.

В сумеречном чреве «Нибелунгов» пришло в движение что-то огромное, затем раздался нарастающий утробный гул, который терялся на высоких частотах, — это были, набирая обороты, стабилизирующие гироскопы многотонных боевых машин, и спустя минуту напряженного ожидания на откинутый пандус ближнего к трибунам челнока вдруг легла гигантская тень. Из десантного отсека, сотрясая стеклобетон посадочных

полей, тяжелой поступью вышел первый «Фалангер» — шестидесятитонный боевой робот, похожий на увеличенную в тысячи раз, покрытую камуфлированной броней жабу... Кошмарное сервоприводное наследие прошлых галактических войн человечества на этот раз окружали не люди в бронескафандрах, а закованные в природный хитин инсекты...

За первой боевой машиной показались вторая, третья...

Всего их было десять. Трибуны притихли, глядя то на «Фалангеров», то на окружившие их фигуры ксеноморфов, казавшиеся жалкими букашками на фоне шагающих исполинов, то на беззащитный, хрупкий из-за своей высотности и многослойной структуры мегаполис, который должен был по историческому сценарию принять на себя мощь

совокупного удара шестисот тонн смертоносного металла...

Первые четыре серв-машины тронулись с места, двигаясь по старто-посадочным полям в сторону кольцевой автомагистрали, но, ощутив разрозненное сопротивление нескольких огневых точек космопорта, внезапно остановились и произвели залп.

Оглушительный грохот автоматических орудий, режущие глаз стробоскопические всплески огня, дымящиеся клочья, разлетающиеся от попавших под залп автомашин... и бетонные обломки зданий, падающие, словно перекаленные шлаковые бомбы, извергнутые из жерла внезапно ожившего вулкана, – все это слилось во впечатляющую демонстрацию, не отражающую, впрочем, и сотой доли происходивших в действительности

событий.

На трибунах сразу в нескольких
местах истошно заплакали
перепуганные и ничего не понимающие
дети...